

В мою жизнь он вошел внезапно. Однажды я раскрыл журнал «Днипро», где была напечатана его блистательная киноповесть «Зачарованная Десна». Я служил в это время в армии, как раз наводил понтонно-мостовые переправы через эту реку — красавицу Десну, а в редкие минуты отдыха читал Довженко. Потом в этом же журнале появились страницы его дневников, которые своей доверительностью и печалью взволновали мою солдатскую душу. Согласитесь, что «Зачарованная Десна» и дневники — меткие, доверчивые, острые — неплохое начало для знакомства с писателем.

Влюбленность в кинематограф, наверное, обозначалась для меня именно тогда — на Десне. Потом в университетские годы и особенно на Высших курсах сценаристов и режиссеров в Москве величие Довженко было осознано полнее и глубже.

Непрерывные споры о его месте в современном кинематографе переполняли наши студенческие годы. Во время каникул вместе с другом мы совершили паломничество из Борзны в Сосницы, ночева-

ли в копне сена над зачарованной Десной, дождались переезда и ранним утром появились перед довшенковской хатой, которая в то время была совсем не музейной — ведь прошло всего несколько лет, как он умер.

Что же является главным в жизни и творчестве Александра Довженко для меня лично? Главное — умение выявить самое существенное в могучем потоке жизни и воплотить это в высоких и точных художественных формах. Художественный мир Довженко удивительно оригинален. Каждый фильм, каждая киноповесть, каждая новелла и публицистическая статья обжигают сокровенным огнем поэзии и правды. Сколько раз мне приходилось смотреть «Землю», и каждый раз я не переставал удивляться, насколько безжалостно точно отображено время в этой картине — грозное, громкое, переломное. Насколько публицистична эта картина, до вызова публицистична, а веет от нее духом античности, духом веч-

ности. Шекспировская амплитуда страстей и характеров была под стать исполинскому размаху этого человека, она задевала многих, она притягивала и отталкивала — равнодушных не было и нет!

Самое главное в жизни и творчестве Довженко — его могучая ренессансная личность (недаром в шуточном распределении ролей между Эйзенштейном, Пудовкиным и Довженко ему выпала судьба быть Микеланджело). Эта личность, этот человек будущего ощущал себя причастным ко всему, помогал одним всей открытостью души и всем упорством характера противостоял другим. Он умел делать это со всей страстностью своей вулканической природы. И главное, что именно такие натуры и поддерживало переломное время, оно их жаждало, оно пестовало их, а они в свою очередь формировали эпоху.

Как первый поэт кино, по выражению Чарли Чаплина, он ввел в это искусство структуру

мышления песенного, думного, фольклорного, а с другой стороны — цепко, до эпатажа заземлил мышление — вспомним только, как восполняют недостаток воды в радиаторе трактора энтузиасты-комсомольцы в «Земле», присолил его раблезианской соленьем, заставил горделивую вечность дышать минутным плакатом, лозунгом.

Влияние Довженко иногда прорывается на материках далеких и не подвластных будничной логике. Так в «Прощании с Матерой» Валентина Распутина я чувствую художественную полемику современного прозаика с «Позмой о море», но вспомним с благодарностью, сколько тревоги о духовности современного человека звучало уже в произведениях Довженко, а потом с вызовом и с чистой печальной силой продолжилось и раскрепостилось в прозе Валентина Распутина.

Довженко существует как важнейшее и неотъемлемое звено мировой культуры XX века. *

У него была такая дерзкая сила и бесшабашность, такая небесная чистота души, которая могла многое на земле наполнить живой силой жизни, разбедерить. Традиции крупного мастера ярче всего, интереснее всего развивают не его, так сказать, прямые исследователи, а новые оригинальные художники, современные блестящие мастера, болюющие теми же проблемами, в огне которых до пепла сгорел имярек. Художника, развивающего традиции Довженко, должны наполнять до глубины души неистовые муки, тяжкие боли и печали вечных проблем, а оригинальность художественных поисков принадлежит только Довженко. Остальное передается как эстафета через века. Этический, нравственный урок Довженко, Человека будущего, ценится так же высоко, как и урок эстетический. Не проходить мимо таких уроков — наша сыновья обязанность.

Иван ДРАЧ.

КИЕВ.

Сов. культура, 1984, 11 сент.